
pocket**book**

rocket**book**

ДОНАЛЬД МАККЕЙГ

Ретт Батлер

ЭКСМО
МОСКВА
2014

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)
М 15

Donald McCaig
RHETT BUTLER'S PEOPLE
Copyright © 2007 by Stephens Mitchell Trusts

Перевод романа выполнен школой *В. Баканова*

Школа перевода
В. Баканова

Разработка серии *А. Саукова*

Иллюстрация на обложке *В. Нартова*

Маккейг Д.

М 15 Ретт Батлер / Дональд Маккейг ; [пер. с англ. Л. Михайловой, Д. Макуха]. — М. : Эксмо, 2014. — 640 с.

ISBN 978-5-699-69274-3

Ретт Батлер, герой бессмертного романа Маргарет Митчелл «Унесенные ветром»... Его имя вызывает самые разные чувства, настолько сложный и многогранный образ создала писательница. Ренегат, отщепенец, бунтарь, игрок, пылкий любовник, южанин — и до сих пор загадка для читателей.

И вот наконец перед вами долгожданное продолжение знаменитой истории. Вернее, та же история, но увиденная глазами Ретта Батлера и изложенная американским писателем Дональдом Маккейгом. Здесь рассказывается о юных годах Ретта и о становлении его характера в непростых отношениях с деспотичным и безжалостным отцом. Здесь находят объяснение многие поступки Ретта, которые озадачивали читателей романа Митчелл. Здесь появляются как новые персонажи, так и уже хорошо знакомые нам герои, спутники Ретта на разных этапах его жизни.

Наследники Маргарет Митчелл не случайно выбрали Дональда Маккейга для создания авторизованного романа о Ретте Батлере. Маккейг не впервые обращается к теме Гражданской войны в Америке. Его роман «Лестница Иакова», за который он получил несколько престижных наград, был назван «лучшим из когда-либо написанных произведений о Гражданской войне».

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)

© Л. Михайлова, Д. Макух,
перевод на русский язык, 2014
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2014

ISBN 978-5-699-69274-3

*Полу Х. Андерсену,
преданному редактору*

Более же всего имейте усердную любовь друг ко другу, потому что любовь покрывает множество грехов.

Первое послание Петра, 4, 8

Часть первая

ПЕРЕД ВОЙНОЙ

Глава 1

ДЕЛА ЧЕСТИ

За час до восхода солнца и за двенадцать лет до Войны за независимость крытый экипаж мчался по низине в штате Каролина. Дорога вдоль реки Эшли была погружена в предрассветную мглу, в которой слабо светились боковые фонари экипажа, а туман просачивался в окна, оседая на лицах и руках пассажиров.

— Черт тебя возьми, Ретт Батлер, вечно ты делаешь все наперекосяк, — ворчал Джон Хейнз, понурившись на сиденье.

— Говори что хочешь, Джон. — Ретт открыл верхний люк и нетерпеливо спросил: — Скоро доедем, Геркулес? Не хотелось бы заставлять джентльменов ждать.

— Подъезжаем к главному каналу, мистер Ретт.

Несмотря на свое привилегированное положение в поместье Батлеров, где он с давних пор объезжал лошадей для отца Ретта, Геркулес вызвался лично везти молодых людей. Ретт предупреждал: «Лэнгстон точно будет недоволен, если прознает», но Геркулес заартачился: «Мастер Ретт, я с вами не расстаюсь с самого детства. Кто, как не Геркулес, первый посадил вас верхом? А теперь уж привяжите своих лошадок сзади к экипажу. Я сам повезу вас и мистера Хейнза».

Пухлые щеки Джона Хейнза контрастировали с неожиданно решительным подбородком, а рот печально кривился.

Ретт заговорил:

— Люблю эти болота. Да ты ведь знаешь, я никогда не хотел выращивать рис. Лэнгстон, бывало, распространяется о сортах риса или о том, как следует управлять неграми, а я не слышу ни слова, грежу о реке. — Наклонившись к Джону, он продолжал с горящими глазами: — Вот я плыву, едва пошевеливая веслом. Представляешь: однажды утром я спугнул морскую черепаху. Она скользила по склону, накатанному выдрой, и явно получала от этого удовольствие. Ты когда-нибудь видел, как улыбается морская черепаха? Частенько я пытался проскользнуть мимо спящей птицы, стараясь не разбудить ее. Но всякий раз маленькая головка с острыми глазками показывалась из-под крыла, и, — Ретт щелкнул пальцами, — птица исчезала под водой. Болотные куропатки не так осторожны. Вплываешь в излучину реки — сотни враз поднимаются на крыло. Интересно, как можно летать в таком тумане?

— У тебя слишком богатое воображение, — заметил Джон.

— Мне всегда хотелось спросить: почему ты такой осторожный? Для какой великой цели ты себя бережешь?

Джон попытался протереть запотевшие стекла очков, но платок только размазал влагу.

— В любой другой день твоя забота польстила бы мне.

— Вот черт! Извини за бестактность, Джон. Это все нервы. А наш порох еще не промок?

Хейнз дотронулся до полированной шкатулки из красного дерева, которая лежала у него на коленях.

— Сам закладывал.

— Слышишь, как поет козодой?

Цокот копыт, поскрипывание кожаной упряжи, подбадривающие лошадей крики Геркулеса и пение козодоя на три ноты. Да, козодой. Но разве Джон не слышал историю про Шэда Уотлинга и козодоя?

— Жизнь у меня была совсем неплохая, — сказал Ретт.

Поскольку благоразумному Джону Хейнзу жизнь приятеля представлялась сплошным хаосом и чередой глупых выходов, он прикусил язык.

— Недурные времена, отличные друзья, любимая сестренка Розмари...

— Да, а что будет с Розмари, Ретт? Что с ней станет без тебя?

— Не задавай мне такие вопросы! — крикнул Ретт, отвернувшись и вглядываясь в ночную темноту за окном. — А что сделал бы ты, окажись на моем месте?

Секунданта так и подмывало сказать Ретту, что он никогда не очутился бы на его месте, но Джон не посмел.

Зачесанные назад волосы Ретта были густыми и черными. Подкладка сюртука была сделана из красного жаккарда, а лежавшая рядом с ним шапка — из бобра. Энергичнее Ретта Джон никого не знал, живой и непосредственный — как звери на воле. А если его теперь пристрелят — жизнь вытечет, останется лишь пустая оболочка вроде той шкуры морского льва, распяленной на заборе Чарльстонского рынка.

— Я опозорен, — с усмешкой произнес Ретт. — Разве это не лучший повод посудачить обо мне?

— Ты уже не единожды предоставлял всем такую возможность.

— Верно. Превратился в настоящее пугало для добропорядочных жителей Чарльстона. — Ретт заговорил нарочито назидательно: — «Дитя мое, если не свернешь с порочного пути, то кончишь точь-в-точь как Ретт Батлер!»

— Как бы мне хотелось, чтобы ты наконец перестал шутить, — тихо произнес Джон.

— Эх, Джон, Джон...

— Позволь поговорить с тобой откровенно?

Ретт вскинул черные брови.

— Не могу тебе этого запретить.

— Для чего идти до конца? Прикажи Геркулесу повернуть назад, и мы не спеша проедемся до города и позавтракаем. Шэд Уотлинг не джентльмен, не стоит с ним драться. Уотлинг даже не мог найти в Чарльстоне никого, кто согласился бы стать его секундантом. Какого-то беднягу янки буквально силой заставил.

— Брат Красотки Уотлинг имеет право на сатисфакцию.

— Ретт, бога ради, не глупи! Шэд — сын надсмотрщика у твоего отца. Его работник! — Джон Хейнз презрительно махнул рукой. — Предложи ему отступного. Зачем идти на такое... из-за девчонки?

— Красотка Уотлинг лучше тех, кто ее осуждает. Прости меня, Джон, но не стоит ставить под сомнение мои мотивы. Справедливость должна быть восстановлена: Шэд Уотлинг распускает обо мне гнусную ложь, и я вызвал его на дуэль.

Джон с трудом выговорил:

— Ретт, если бы не Вест-Пойнт...

— Ты имеешь в виду мое отчисление? Это всего лишь последний, наиболее заметный позор. — Ретт сжал руку своего приятеля. — Надо ли перечислять все свои падения и ошибки? Да их больше, чем... — Он устало покачал головой. — Меня воротит от всего этого, Джон. Стоило просить кого-то другого стать моим секундантом?

— Черт бы тебя побрал совсем! — выругался Джон.

Джон Хейнз и Ретт Батлер познакомились в школе Кэткарта Пурбера в Чарльстоне. К тому времени, как Ретт отбыл в Вест-Пойнт, Джон Хейнз уже вошел в судоходный бизнес отца. После отчисления и возвращения Ретта Джон время от времени встречал друга на улицах города. Порой Ретт бывал трезвым, чаще — нет. Видеть человека с природной грацией Ретта неряшли-

вым, воняющим перегаром Джону было тяжело и неприятно.

Джон Хейнз относился к тем молодым южанам из хороших семей, которые словно губка вбирают в себя представления о гражданской ответственности. Джон являлся членом приходского совета церкви Святого Михаила и самым молодым учредителем балов Общества святой Сесилии. Несмотря на то что Джон завидовал темпераменту друга, он никогда не сопровождал Ретта и его приятелей — повес из компании полковника Раванеля — по их ночным адресам: в бордели, игорные дома и питейные заведения.

Понятное дело, Джон был удивлен, когда в один прекрасный день увидел Ретта Батлера в своей компании «Хейнз и сын», да при этом еще с просьбой помочь ему в деле чести.

— Ретт, где же твои друзья? Эндрю Раванель? Генри Кершо? Эдгар Пурьер?

— Ты будешь трезвее, Джон.

Прямо скажем, не многим, будь то мужчина или женщина, удавалось устоять перед бесшабашной улыбкой Ретта. Джон Хейнз не был в их числе.

Пожалуй, Джон и вправду был занудой. Он узнавал о скандалах, занимавших Чарльстон, последним, когда местному обществу эта тема успевала надоесть. Если Джон повторял чью-нибудь остроту, то неизбежно сбивался. Матери в Чарльстоне считали Джона Хейнза неплохой партией, но дочери подсмеивались над ним, прикрываясь веером. Однако Джон Хейнз уже дважды был секундантом на дуэлях. Если долг стучался к нему в дверь, Джон всегда был наготове.

Дамба Броутонской плантации представляла собой широкую земляную насыпь, отделяющую рисовые поля от реки. Экипаж немного покачнулся, свернув с дамбы в поля.

Никогда еще Джон Хейнз не чувствовал себя столь беспомощным. Это дело — это безобразное, смертельно опасное дело — все равно свершится, что бы он ни пытался предпринять. Честь должна быть удовлетворена. И теперь не Гераклес сидел на козлах — поводья держали костлявые руки Чести. В шкатулке из красного дерева лежали не пистолеты Хаппольда сорокового калибра, а сама Честь, готовая плюнуть в лицо. Пошлый мотивчик крутился в голове Джона: «Я полюбил бы тебя, Сесилия, не люби я честь больше»... Какая глупость! Шэд Уотлинг считался лучшим стрелком в Низинах.

Они свернули на заросшую кустарником аллею, по которой так редко проезжали, что испанский мох задевал крышу экипажа. Гераклес иногда приподнимал спускающиеся низко ветки, чтобы экипаж мог проехать.

И тут вдруг Джон припомнил историю про Шэда Уотлинга и козодоя.

— Ах, — Ретт втянул в себя воздух, — чувствуешь? Запах болота — рогоз, мирт, морская астра, болотный газ, грязь... Мальчишкой я здесь пропадал целыми днями, точно индеец. — Улыбка на лице Ретта исчезла при этом воспоминании. — Позволь попросить об одной услуге. Ты знаком с Тунисом Бонно?

— Свободным цветным рыбаком?

— Увидишь его — спроси, помнит ли он тот день, когда мы ходили до Бофора. И попроси помолиться о моей душе.

— Свободного цветного?

— Мы вместе выросли здесь на реке.

Неясный свет начал просачиваться в окно экипажа. Ретт выглянул наружу.

— Вот и приехали.

Джон откинул крышку карманных часов.

— Солнце встанет через двадцать минут.

Место для дуэли было лугом в три акра, окаймленным мрачными кипарисами и дубами, с которых свисали бороды мха. Луг тонул в тумане, откуда доносились хриплые крики пастуха, скликающего коров: «Суу-и! Су-кау! Су-кау!»

Ретт вышел из экипажа, потирая от холода руки.

— Итак, мой конечный пункт назначения. В детстве я, конечно, мечтал о славе, но не о такой.

Коровы мычали где-то в тумане.

— Мы ведь не хотим подстрелить корову, верно? — Ретт потянулся. — Отец был бы вне себя, подстрели мы одну из его коров.

— Ретт...

Ретт положил руку на плечо Джона Хейнза.

— Ты мне нужен, Джон, и я верю, что ты все сделаешь правильно. Но, пожалуйста, избавь меня от своих в высшей степени разумных советов.

Джон замолчал, жалея о том, что вспомнил о Шэде Уотлинге и козодое. После того как Лэнгстон Батлер отстроил усадьбу в Броутоне, управляющий Исайя Уотлинг перевез семью в прежний дом Батлеров: отсюда было удобно следить за неграми, работающими на рисовой плантации. Огромные дубы, которые в то время, когда Батлеры приехали сюда, были молодыми деревцами, отбрасывали густую тень на простой фермерский домик.

Обитая в ветвях дуба, козодой приветствовал их с заката до восхода.

Очевидно, Красотка Уотлинг думала, что птица искала себе пару, а ее мать Сара сказала, что птица горюет. Именно об этом спорили мать и дочь ранним утром, и тут раздался звук выстрела. Когда мать вбежала в спальню, на подоконнике лежал дымящийся пистолет, а Шэд буркнул: «Глупая птица больше не станет меня будить».

При плохом освещении с шестидесяти шагов Шэд Уотлинг отстрелил злосчастному козодюю голову.

Джон спросил Ретта:

— Ты слышал историю о козодое?

— Да рассказни все это.

Ретт чиркнул спичкой о подошву ботинка.

— Шэд Уотлинг убивал людей и прежде.

Спичка зашипела и вспыхнула, когда Ретт зажег свою сигару.

— Только негров и людей своего сорта.

— Ты веришь, что твое благородное происхождение отвернет пулю?

— Почему бы и нет? — с насмешкой произнес Ретт. — Черт возьми, благородное происхождение должно же хоть в чем-то быть полезным!

— Кто-то идет, — предупредил Геркулес с козел.

Тяжело дыша, из тумана появился мужчина с мокрыми пятнами на коленях брюк (видимо, падал по дороге) и с перекинутым через руку сюртуком.

— Черт бы побрал этих коров! — Перебросив сюртук в левую руку, он хотел правую подать Джону Хейнзу, но посчитал более уместным отвесить неуклюжий поклон. — Том Джеффери. Родом из Эмити, Массачусетс. К вашим услугам, господа.

— Ну, Том, — улыбнулся Ретт, — кажется, ваша поездка в Чарльстон будет незабываемой.

Джеффери был на два-три года моложе Ретта с Джоном.

— Никто в Эмити не поверит, что я попал в эту историю.

— Жуткие рассказы, Том. Жуткие рассказы — главный предмет экспорта южан. Когда вы будете рассказывать о нас своим друзьям, пожалуйста, не забудьте упомянуть чертовски привлекательного, галантного Ретта Батлера. — Лоб Ретта пересекла морщина разду-
мья. — А коров бы на вашем месте я не стал упоминать.

— Ваш дуэлянт уже на месте? — спросил Джон молодого янки.

Том Джеффери махнул на луг, видневшийся в тумане.

— Да, и Уотлинг, и доктор Уорд. Похоже, они недолбливают друг друга.

Джон взял молодого человека за руку, отводя от Ретта.

— Мистер Джеффери, вы были когда-нибудь секундантом прежде?

— Нет, сэр. Дуэли практически никогда не случаются в Эмити. Мой дед, может, когда-то и стрелялся, но сейчас уже такого не бывает. Так что я новичок. Моя теть Пейшенс отошла в лучший мир, завещав мне определенную сумму. И я предпринял путешествие по стране. Том, сказал я себе, если не сейчас, то когда? Вот как я очутился здесь, восхищенный вашей чарльстонской гаванью, которая, если позволите так выразиться, во всем похожа на нашу знаменитую бостонскую гавань. Во всяком случае, там я и был, когда ко мне подошел господин Уотлинг и спросил меня, считаю ли я себя джентльменом, и я ответил, что смею надеяться. Когда же мистер Уотлинг предложил мне стать его секундантом, я сказал себе: «Том, ты приехал, чтобы посмотреть этот край, и именно этим ты и должен заняться». Ведь такой возможности в Эмити никогда не представится.

Джон не решился сказать этому молодому человеку, что выбор Шэдом Уотлингом в качестве секунданта незнакомца, да еще и янки, был намеренным оскорблением для Ретта.

— Вы знаете свои обязанности?

— Мы, секунданты, должны удостовериться в том, что все идет по правилам.

Джон Хейнз внимательно посмотрел на молодого янки.